

Раздел 2

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ

Алеврас Н.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАКУРСЫ

В первые десятилетия XXI в. в историографическую лексику вернулись, получив смысловое обновление, понятия *источниковедение историографии* и *историография источниковедения*. Своеобразная игра слов двух понятийных конструкций выражает междисциплинарную общность историографии и источниковедения, их принадлежность к области исторической эпистемологии, что определяет особенности этой коммуникации. Обозначенные субдисциплинарные модификации, задавая два актуальных ракурса – источниковедческой и историографической природы, – подчеркивают пересечение их предметных полей в сегменте, актуализирующем проблему источника как базового компонента методологии истории.

Оба понятия утвердились еще в 1970-е гг., ставшие временем подъема исследовательской активности в сфере как источниковедения, так и историографии. Однако специальных задач теоретического обоснования смысла двух субдисциплин и легитимации вводимых понятий в то время не ставилось. Ситуация стала меняться на рубеже XX–XXI вв., положившем начало разрыва с традиционной методологией и вытеснения доминировавшего в XX в. классического типа рациональности. В современной ситуации поисков «строгих научных оснований истории историографии» [8, с. 115] творческими усилиями представителей Научно-педагогической школы источниковедения, у основ которой стояла О.М. Медушевская, закладываются основы неоклассической парадигмы источниковедения, базирующейся на идеях когнитивной истории и феноменологическом подходе [11]. Ожидаемым стало переосмысление теоретических основ и предмета обозначенных субдисциплин.

В частности, началось утверждение нового понимания смысла *источниковедения историографии* [см.: 8, с. 114–117]. Терминологически данное понятие означает специфический междисциплинарный ракурс, ориентированный на поиск обоснований феномена «историографический источник» и его дефиниции. Инструментально этот подход базируется на методе источниковедения, предметом которого, по мысли О.М. Медушевской, является изучение «макрообъекта исторической науки», выступающего в виде «совокупности интеллектуальных продуктов, созданных в ходе различных видов и форм целенаправленной человеческой деятельности» [11, с. 352–354]. В этом контексте историографический источник можно воспринимать как элемент/часть макрообъекта в виде произведений ученых-историков. Попытки обоснования и определения объектно-предметной сферы данной субдисциплины представлены М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко в ряде статей [см., напр.: 4, с. 131–142; 143–157] и новейшем терминологическом словаре исторической науки. В нем авторы определили предмет источниковедения историографии как «порождение и функционирование историографического источника в научном познании и иных социальных практиках» [7, с. 203–204]. Им же принадлежат первые попытки реализации выдвинутых теоретических посылов в исследовательской практике [6].

В меньшей мере в современном теоретико-методологическом опыте из обозначенной дихотомической пары понятий апробируется другой понятийный конструкт – *историография источниковедения* и определяется его предметное поле. Хотя у него складывались своя история и исследовательский опыт. С процессом формирования данного ракурса в исторической науке XX в. был связан замысел издания «Источниковедение отечественной истории» (1973–1989; в 7-ми вып.). Начиная с первого и в ряде последующих выпусков, это издание содержит специальную рубрику «Историография источниковедения». Параллельно рассматриваемому изданию возникали другие близкие к типологии этого жанра проекты [см., в частности: 1, 13].

Характерный для того времени способ описания историографических ситуаций был подчинен задачам «классового подхода» к анализу научных взглядов и инструментария источникове-

дов. Попытки разложить историографический процесс на периоды и внутреннюю проблематику для «подведения историографических итогов» и «размышлений о задачах на будущее» [см., напр.: 1, с. 3–6] заменяли изучение трансформаций в сфере выработки теории и методов источниковедения мало продуктивным подходом описания и «инвентаризации» научных идей и концептуальных версий.

Определенным выражением обновления смысла понятия *историография источниковедения* стали работы О.М. Медушевой и созданные ею специальные разделы известного учебного пособия по источниковедению (1998, 2000, 2004) [см.: 9, 10], нацеленные на создание истории становления и развития источниковедения, в том числе с учетом изучения его теоретико-методологического опыта. Проекты по источниковедческой проблематике с инкорпорированными сюжетами из историографии источниковедения [см.: 3, 12], специальная конференция по проблемам историографии источниковедения и вспомогательных дисциплин, организованная кафедрой источниковедения в 2010 г. [5], как мне представляется, продолжили эту линию.

Организаторы конференции, правда, не были вполне удовлетворены содержанием присланных материалов: не все авторы реализовали ожидаемые попытки «экспликации историографической проблематики» и изучения «историографических исследований в сфере источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин» [5, с. 13]. Тем не менее, конференция, обозначив перспективную линию междисциплинарной коммуникации в избранном ракурсе, задала тему, теоретико-методологическое обоснование которой еще впереди. А вот практический опыт историографии источниковедения последних лет дает основание видеть в нем поворот к обновлению этой субдисциплины.

Изучение источниковедческих практик в историографическом ракурсе убеждает, что реализация проектов, выполненных в этом научном жанре, оптимально ориентирована на видовой принцип. При этом актуальность и целесообразность такого рода исследований связана с теми видовыми группами источников, по изучению которых накоплен нетривиальный методологический опыт, позволяющий формировать представление об истории и логике развития научного знания об источнике. Более всего новый облик историографии источниковедения был задан изучением историографии летописания. Обозначу несколько оригинальных типов исследований последних десятилетий, авторы которых, представляя различные научные центры, так или иначе, реализовали возможности историографии источниковедения.

Монография московского историка И.Н. Данилевского [3], хотя и не является по замыслу историографическим трудом, но привлекательна для данной темы. Историографические сюжеты пронизывают контекст исследования. Анализируемый автором источниковедческий опыт изучения Повести временных лет включает в предметное поле исследования теоретические основы представлений ученых о природе и «структуре информации о прошлом» изучаемого источника как «психического продукта» и «результата человеческого творчества» и их отношение к тому, «что и как отображает исторический источник» данного вида [3, с. 4–5]. Исследовательская позиция автора в ситуации кризиса исторической науки рубежа XX–XXI вв. ориентирована на использование историографического анализа как инструмента для аргументации собственного (оригинального и плодотворного) поиска новых – герменевтических – подходов к анализу летописного материала.

Фундаментальной и непосредственно сопрягающейся с задачами жанра историографии источниковедения предстаёт монография петербургского историка В.Г. Вовиной-Лебедевой [2]. Схоларный подход, выраженный названием и принципами структурирования текста, вносит новые мотивы в историографию летописания. Автору, проникшему в мир научных коммуникаций и особенностей индивидуального творчества ученых-источниковедов (историков и филологов), впервые удалось подвергнуть конструированию облик целой системы источниковедческих школ в гуманитаристике, а также обогатить представления современной историографии о типологиях научных консолидаций и способах межпоколенческой трансляции источниковедческого опыта. В каждой исторической эпохе науки, порождавшей научное знание о летописях и летописании, автор книги выявляет самобытные научные культуры, формировавшие источниковедческие версии на базе достигнутого уровня понимания задач и приобретенного методологического опыта источниковедения.

Отмечу также книгу киевского историка А.П. Толочко [14], выполненную в жанре биоисториографии и посвященную опыту изучения и использования летописей В.Н. Татищевым. Привлека-

тельным в ней можно было бы считать задуманный подход. Автор, как можно интерпретировать часть замысла, был нацелен на создание оригинальной и сложносоставной историографической конструкции, элементами которой выступают, с одной стороны, индивидуальный научный опыт историка XVIII в., с другой – пласты историографических оценок такого явления в истории науки как «татищевские известия». И в том, и другом случае историографическая позиция А.П. Толочко актуализирована проблемами интерпретации и методологии изучения источника. Избранный биографический жанр исследования давал привлекательную возможность взглянуть на труд Татищева как на историографический источник. Но автор увлекся «разоблачением» историка. Не погружаясь в область критико-полемических оценок исследования Толочко, замечу всё же, что авторская ориентация на создание образа Татищева как историка-«мистификатора» и «лгуна» выглядит эпатажно, но не убедительно. Татищев и «татищевские известия», при всей противоречивости и проблематичности оценок взглядов и методов историка, относятся к категории историографического феномена, который мог возникнуть в условиях зарождения и первых опытов изучения исторических источников (в данном случае – летописей) в целях создания первой панорамной картины истории России. Труд Татищева, выступая объектом изучения, требует понимания стартовых условий формирования российской исторической науки, особенностей психологии научного творчества человека эпохи Просвещения, особенностей замысла работы и специфики методологических представлений автора в контексте особого – «прагматического» периода отечественной историографии.

Можно полагать, опираясь и на опыт упомянутых исследований, что объектом историографии источниковедения являются научные труды источниковедов, предметом – источниковедческий опыт ученых-гуманитариев.

1. Буганов, В. И. Отечественная историография русского летописания (обзор советской литературы) / В. И. Буганов. – М. : Наука, 1975. – 343 с.
2. Вовина-Лебедева, В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. / В. Г. Вовина-Лебедева. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. – 928 с.
3. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
4. Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України. Професійна етика історика у міждисциплінарному просторі : [міжвуз. зб. наук. праць] / ред. кол.: : О. І. Журба (відп. ред.) [та ін.]. – Дніпропетровськ : ЛІРА, 2014. – 384 с.
5. Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : материалы XXII междунар. науч. конф. Москва, 28–30 янв. 2010 г. / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : РГГУ, 2010. – 434 с.
6. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : МГОГИ, 2013. – 252 с.
7. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М. : Аквилон, 2014. – С. 203–204.
8. Маловичко, С. И. Источниковедение историографии с точки зрения Научно-педагогической школы источниковедения / С.И. Маловичко // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы всерос. науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина – М. : ИВИ РАН, 2012. – С. 114–117.
9. Медушевская, О. М. Источниковедение: теория, история и метод / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 1996. – 80 с.
10. Медушевская, О. М. Становление и развитие источниковедения / О. М. Медушевская // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – С. 35–121.
11. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
12. Румянцева, М. Ф. Теория истории : учеб. пособие / М. Ф. Румянцева. – М. : Аспект-Пресс, 2002. – 319 с.
13. Советское источниковедение Киевской Руси : историографические очерки / отв. ред. В.В. Мавродин. – Л. : Наука, 1979. – 263 с.
14. Толочко, А. П. «История Российской» Василия Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – Киев : Критика ; М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 544 с.

Маловичко С.И.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ*

«Горе нам! профессиональные историки, студенты-историки, учителя истории, если мы не видим написанный кровью умирающей цивилизации Европы ужасный результат раздутого национализма, изложенного в национальных историях некоторых самых красноречивых историков девятнадцатого века. Можем ли мы надеяться, что это будет всего лишь мимолетная фаза историописания...», – эти отчаянные слова о роли национальных историографий в разв-

* Работа выполнена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».